

Чуть не по всей Сибири, где только есть татарские поселения, найдутся сёла с названием Тохтамышево. А в чью честь названия – это уже редко кто помнит. Но ещё сто лет назад записывали сказания о последнем хане Большой Орды, а раньше мурзы и беки объявляли себя его потомками. Ведь он принадлежал к «золотому» роду чингизидов. Аксиомой было: «*Всевышний возвысил ханов чингисова дома над всеми владыками мира*». Юный Тохтамыш ездил под бунчуком *оглана*, потомка Чингисхана. Дастан «Едигей» подобно рассказывает о большой войне, которая многое решила в истории Руси:

*Где широкий Итиль бежал,
Там прекрасный Сарай блистал,
Там Мамай на престол воссел,
Озирая степной предел.
На другой сидел стороне
Тохтамыш, готовый к войне.*

Этот враг Руси был опаснее Мамай. Мамай-то никогда не владел всей Ордой, а Тохтамыш, ставший ханом, восстановил Большую Орду, правда, ненадолго. Он пытался возвысить Сибирский юрт и в нём был убит. Вышел из сибирской Синей Орды, в неё вернулся, в ней погиб. Это первое громкое имя в связи с историей Сибири (если не считать ранние каганаты). Он не привлёк внимания русских романистов, его роль в судьбе Руси не поняли, кажется, до сей поры. А ведь он, ни много ни мало, повинен в развале Золотой Орды.

Легенды об этом ордынском герое противоречивы. Казалось, златоверхий ханский шатёр навек был заказан Тохтамышу, когда Урус-хан казнил его отца. А вот поди ж ты, он стал ханом трёх Орд. Предок его Тукай-Тимур, брат Батия и Берке, сам на ордынском престоле не сидел, но получил свой улус – сибирский, подчинённый Золотой Орде. Его отца, оглана Туй-Ходжу, правителя Мангышлака и Синей Орды, казнил Урус-хан, казнил за отказ помогать в захвате сарайского престола: – Взять трон сумеешь, удержать – нет. Юный Тохтамыш поскакал в Самарканд к Тимуру. И великий эмир взял его под защиту, посадил на трон Белой орды.

Темир-Аксак по-тюркски, Тимур-Ленг по-персидски означает: Железный Хромец. Правитель Самарканда, желавший укоротить прыткого Урус-хана, дал тумен в подчинение потомку «золотого» рода. Сам-то он к нему не принадлежал, и не мог объявить себя ханом. В первом же сражении побили молодого чингизида, чуть не поголовно уложили все его тысячи. Полёг в том поле, с которого бежал Тохтамыш, и сын Урус-хана, воин бесстрашный. Ханский сын погиб, а беки его взяли победу. Ночами искал Тохтамыш свою звезду, а

она светила улыбочиво. Поддержал Железный Хромец – подчинилась Белая Орда, теперь, объединив её с Синей, можно пойти на Сарай Берке.

Ещё три тумена дал Тимур – и опять провал. Третье своё войско дал эмир неудачнику, и опять победил второй сын Урус-хана. Но тут уж остановить войну нельзя было, сам Тимур повёл в степь тумены и дал бой Урус-хану возле Сыгнака, у самой столицы Белой Орды. Победил эмир, и Урус-хан подозрительно быстро скончался, в самом начале нового похода. Но силы у Белой Орды были ещё немалые. Снова ринулся Тохтамыш в бой, и снова разгром. Ранен был, едва избежал плена гибельного. Спас его новый друг Едигей, смог расколоть степное войско и перебил его по частям. Как подружались, как полюбили друг друга юноши Тохтамыш и Едигей! Оба спаслись под крылом Тамерлана, сначала служили ему, потом оба враждовали с ним.

Вот и стал оглан-сирота правителем степей, и пошёл на улусы, где правил Мамай. Да кто такой этот Мамай? – самозванец. Выдвинулся как темник, потом стал командующим всем войском ордынским. Гурген (зять хана, член семьи) и беклярбек (главный бек в Золотой Орде), он ставил ханов по своей воле и убирал, если вольничали. Но объявить себя ханом не посмел: против такого ополчились бы все улусы. Неверной оказалась звезда Мамай: был на вершине славы и потерял всё после Куликова поля. Рассуждая о куликовской битве, не берут во внимание третью силу – Тохтамыша. А он уже перешёл Волгу и грозой навис, он, а не Дмитрий.

На Калке высоко взошла звезда Тохтамыша, а для Мамай роковой стала река эта: без битвы потерял он на ней остатки войска. Выехали бирючи тохтамышевы, прокричали:

– Где ваш хан? Нет у вас настоящего хана, потому и побили вас. Вот законный хан, настоящий потомок непобедимого Чингиса.

Один за одним перешли тумен-баши к молодому хану, и остался господин их один в степи. Связать его – это было бы предательством, бесчестьем для ордынца, от него просто отвернулись. В Крым побежал вчерашний правитель Орды, под ножи жадных генуэзцев, они перерезали ему горло, а золото присвоили.

Вот и стал сирота ханом трёх Орд, уже третьим из величайших ханов именуют его. Как не гордиться, ведь чингизиды только что потеряли власть и в Китае, и в Персии, и в Туркестане. Ликует степь: явился долгожданный правитель, истинный потомок непобедимого Чингисхана. И сам он поверил, что его звезда всех выше: *«Золотой Чингиза венец – Разве не на моей голове? Данию многоплеменной горд, Повелитель многих орд, – Разве я сам не Чингиз?» («Едигей»)*. (Тут кстати сказать про дастан «Едигей»). Двухтомник «Эпос народов СССР» изумляет тем, что в него не включили два главных текста: «Гэ-сэр» и «Едигей». Там же, мол, про завоевателей – про монголов и татар. И даже прославлена столица Золотой Орды: *«В довольстве жил в Сарае народ. Четверо было здесь ворот, Приходил из далёких стран За караваном сюда караван»*. Но откусывать куски истории – остаться без истории).

Шлёт хан послов во все улусы, извещает князей русских и литовских о своём воцарении. Тверской князь выразил покорность, нижегородский своих

сыновей послал в заложники, князь рязанский высказал готовность служить. Только великий князь московский, уже Донским прозванный, не едет в Орду за ярлыком. И означало это одно – войну. Для пущей скрытности перебил Тохтамыш всех русских купцов по Волге – не известили бы Москву.

Дмитрий Донской поздно узнал о нашествии и поехал в Кострому – собирать ополчение. Он знал: Кремль с наскоку не возьмёшь, его трижды осаждали литовцы – не вышло у них. После двух дней штурма взять кремль не удалось. Москвичи пустили в ход огненные «тюфяки». И пошёл Тохтамыш на вероломство. Нашёл князей-предателей, нижегородских, хотевших завладеть ярлыком великого князя. Ханские послы прокричали: *«Царь вам, своим людям, хочет оказать милость, потому что неповинны вы и не заслуживаете смерти, ибо не на вас он войной пришёл, но на Дмитрия, враждуя, ополчился... а вам дарует мир и любовь свою, а вы ему ворота городские отворите»*. Обещанье это клятвенно подтвердили князья Василий и Семён, братья Евдокии, жены Дмитрия Ивановича: *«Верьте нам, мы ваши князья христианские, вам в том клянёмся»*. Дескать, вам, жителям, бояться нечего. Потом, уже после смерти Дмитрия Донского, сын его Василий выкупил ярлык на Нижегородское княжество – и всё, нет этого княжьего дома. А тогда случилась беда небывалая, самая страшная, какую упомянула Москва. Горожане посоветовались и решили оказать честь новому царю. Но только открыли ворота – ордынцы ринулись в кремль. Они убивали всех без разбору: *«И была в граде сеча зла и вне града тако же сеча велика... пока руки и плечи их не ослабли»*. В этой резне ордынцы искрошили 24 тысячи «вятших» москвичей, не оставили в живых ни детей, ни стариков. Москва не знала такого урона даже от Батыя, и дальше отсчитывала годы «от тохтамышева нашествия». Услышав о приближении основной русской рати, Тохтамыш не захотел встречаться с нею: это грозило потерей награбленного. Разорив ближние города и сёла – Звенигород, Можайск, Владимир, – ордынцы повернули в степь. А на обратном пути разорили Рязанское княжество. И тут было вероломство: Тохтамыш обещал Олегу, выразившему покорство, указавшему броды на Оке, не трогать его земли. Немало ещё даст он таких обещаний: великий хан не подчинён никакому закону, кроме воли Неба.

От сожженья Москвы – великая слава хана. Нет ему равных. Он восстановил Большую Орду, владения ханов Бату и Узбека. Ну как было смириться с властью Тимура! Сверг одного самозванца – Мамай – надо спихнуть с престола и другого.

И пошёл Тохтамыш грабить земли благодетеля своего, пока тот был в дальнем походе. Пришлось Тимуру гнать огромное войско сначала из Ирана в Самарканд, потом и на Волгу. Сколько походов вынесло это войско, и каких походов, а этот оказался самым трудным. Пять месяцев пути, и два из них по безводной степи. Через месяц пути – первый отдых в предгорье. Здесь приказал эмир высечь надпись на камне – в назиданье векам. Арабскими буквами на тюркском языке: *«Султан Турана Тимур с двумястами тысяч воинов пошёл по кровь Тохтамыш-хана. Если выбор сделан, эмир никогда уже не отступал»*.

Тохтамыш-хан ждал его на Яике, но Тимур заставил его уйти с этого вы-

годного места. А тут назначено было место соединенья частей, и сюда привёл свои кошуны сын Мамай, перешедший к Тохтамышу, за ним и другой тумен-баши. В плен попали два тумена с хорошим обозом. Подпитались аскеры Тимуровы, а пленников голодать заставили.

*Из Чингизова дома хан –
Тохтамыш на престол воссел,
Озирая степной предел.
На другой воссел стороне
Шах Темир, готовый к войне.
От Яика до Итиля-реки
Растянулись его полки.*

Войско тохтамышево к Итилю-Волге попятилось, к Самарской луке. Тут высмотрел Железный Хромец хорошее поле. А хан не сомневался в победе: войска-то у него больше. Центр у эмира провальный, так себе центр, прорвать его легко. Разделить вражье войско, охватить с боков и уничтожать по частям – безотказная монгольская тактика. О этот гул конной лавы, нарастающий рёв *урра-ах*, эти искажённые яростью лица копейщиков – это знает бывалый воин. Кто может противостоять удару ордынской гвардии? Только другая конница, более сильная. А её нет, не видно. Впереди пешие, вот уж будет услада ордынским саблям. Да любой пастух знает: если расколот центр, зайдут в тыл – всё бой проигран. Но что там такое, почему остановился натиск? Как в стену упёрлись. Копья затрещали, как хворост, кони кувыркаются куда-то в яму. В кучу сбилась ордынская конница, клубком свилась и давит, давит сама себя.

Большие деревянные щиты, а за ними – шлемы во рву, голова к голове. И тучей стрелы в лица конников. Длинный ров, глубокий, полукругом идёт, и перед ним доски. Вот что тут делалось – окапывались они полдня. А луки-то, луки-то у окопников – в полный рост. Конники с такими далеко не уедут – больно уж тяжелы. Стрелы пробивают нагрудные латы, сотнями валятся ордынцы, а попятиться нельзя: задние всё напирают, спрессовывают. Сник боевой рёв, захлебнулась атака. А так хорошо пошло! Эти кроты шлют смерть, а конники стоят, как заколдованные – не двинуться ни вперёд, ни назад, и с боков сжаты.

На части разбился ураганный натиск, а хода назад нет. Гвардия потеряла дух, растерянность покатила по рядам, а победа, считай, в руках была. Сотня за сотней валятся батыры-ордынцы. Мало-помалу начали отступать, а это уже не геройство. А кто вырвался из клещей – бросился наутёк.

До Итиля, до великой Волги-реки, поля трупами завалены, трудно коням ступать. Павших за полдня не объедешь. Только один из трёх спасся – потери неслыханные. Никогда раньше не бегало войско ордынское, и вот... Почему небо не рушится? Небывалый бой, неслыханный провал...

Нет, не смирился Тохтамыш, спешно стал собирать войско и повёл его на Кавказ, где Тимур потрошил Грузию и Армению. Видно, поразил хан невозмутимого Хромца. Вот его послание: *«Во имя Аллаха Всемогущего спрашиваю тебя: с каким намерением ты, хан кипчакский, управляемый демоном гордо-*

сти, вновь взялся за оружие? Или ты забыл нашу последнюю войну, когда рука моя в прах обратила твои силы, богатства и власть? Образуясь, неблагодарный! Вспомни, сколь многим ты мне обязан. Но есть ещё время, ты можешь уйти от возмездия. Хочешь ли ты мира, хочешь ли войны – выбирай. Я же готов идти на то и на другое. Но помни, что на этот раз пощады тебе не будет». Тохтамыш ответил грубостью – и подписал себе приговор.

Слабым учеником был Тохтамыш – повторил свои ошибки, и на Тереке заманили его в капкан. Опять разбился о пехоту натиск ордынский, и опять гвардия из Самарканда ударила в спину и смяла ряды. А бежать через Дарьяльское ущелье – дело гибельное. Здесь и полегли ударные части ордынские. Отвернулась судьба от великого хана, но умел он произвести впечатление даже в провальной ситуации. Изумления достойно обращение Тохтамыша к Ягайло. Вдребезги разбитый, потерявший войско, требует дани от совершенно недосягаемого для него польского короля:

«Я, Султан правосудный Тохтамыш, говорю Ягайлу. Для извещения о том, как Мы воссели на великое место, мы посылали прежде послов под предводительством Кутлу-Буги и Хасана, и ты тогда же посылаешь к нам своих челобитчиков. Третьего года послали некоторые огланы, во главе которых стояли Бекбулат и Коджамедин, и беки, во главе которых стояли Бекиш, Турдучак-берди и Давуд, человека по имени Эдигу к Темиру, чтобы призвать его тайным образом. Он пришёл на этот призыв и согласно их злонамерению послал им весть. Мы узнали об этом только тогда, когда он дошёл до пределов нашего народа, собрались, и в то время, когда мы хотели вступить в сражение, те злые люди с самого начала пошатнулись, и вследствие этого в народе произошло смятение. Всё это дело случилось таким образом. Но Бог милостив был и наказал враждебных нам огланов и беков, во главе которых стояли Бекбулат, Коджамедин, Бекиш, Турдучак-берди и Давуд.

Для извещения об этих делах мы теперь посылаем послов под предводительством Хасана и Туулу-Ходжи. Теперь ещё другое дело: ты собирай дань с подвластных нам народов и передай её пришедшим к тебе послам; пусть они доставят её в казну. Пусть по-прежнему опять твои купеческие артели разъезжают; это будет лучше для состояния великого народа. Признавая это хорошим для Великого Улуса, мы утвердили грамоту с золотым знаком».

А тем временем шла железная метла по становищам ордынским, и никто не мог остановить её. Решил Хромец положить конец Большой Орде: в прах, в золу обратил Астрахань, Азак (Азов), Сарай, Булгар и с десяток городов поменьше. А главное – разрушил города на Великом Шёлковом пути, чтоб караваны шли по югу, по его землям. Бежал Тохтамыш в Киев, под защиту Витовта, великого князя литовского. Тот уже прибрал к рукам коренные земли древней Руси: взял Киев, Чернигов, Брянск и Смоленск. В планах своих уже видел себя владыкой княжества литовско-русского, где хан ордынский был у него на посылках. Собрал князь полки литовские, польские и русские, нанял за большие деньги тевтонских рыцарей, в запасе у него конники Тохтамыша. Эти, мыслил князь, сгодятся для погони – будут добивать бегущих.

А Темир-Кутлуг, посаженный на престол Едигеем, шлёт Витовту ультиматум:

матум: *«Выдай мне беглого Тохтамыша! Он враг мой, не могу оставаться в покое, зная, что он у тебя живёт, потому что изменчива жизнь наша – нынче хан, а завтра беглец, нынче богат, а завтра нищий, нынче много друзей, а завтра все враги... так выдай мне его, а что ни есть около него, то всё тебе»*. Гордый князь литовский ответил вызовом: *«Бог покорил мне все земли, покорись и ты мне, будь мне сыном, а я буду тебе отцом и давай мне всякий год дани и оброк; а ежели не станешь сыном, то будешь рабом, и вся орда твоя будет предана мечу»*. Чтобы Орда оброк платила! – да такого хана тотчас растерзают! Темир-Кутлуг как будто робел, не решался в бой вступить, а князь литовский не понял, что хитрит он, ждёт Едигея с пятью лучшими туменами. Дорого стоила эта самоуверенность великому князю литовскому: упустил время, когда Орда была не в полном сборе. Едигей пришёл из Крыма через три дня и мигом перестроил ряды. Управление ханское признал никудышным, пригрозил всех тысяцких сделать десятниками. Сколько силы у литовцев – не знает молодой хан, к бою не готов, плана сражения нет у него. А с Витовтом заговорил с ухмылкой: *«Наш хан признал тебя старшим братом, потому что ты старше его годами. Но ты моложе меня. Поэтому будет правильно, если ты изъявишь мне покорность, обяжешься платить мне дань и на деньгах литовских изображать мою печать»*. Ошибся Витовт в расчётах своих: не было проку от остатков тохтамышевой орды, а Едигей – полководец бывалый, лучший ученик хромца Тимура.

Перед походом говорил Витовт своим вельможам: *«Победим и посадим в Орде на царстве царя Тохтамыша, и на Кафе, и на Азове, и на Крыму, и на Астаркани, и на Заяицкой Орде, и на всём Приморье, и на Казани; и то будет всё наше, и царь наш»*. Большое было оживление, все поверили в близкий праздник.

Едигей выманил в степь за реку разноцветную литовскую конницу, смешал ряды, расколочил их. И конец мечтаньям великого князя литовского: в бег ударились лучшие его полки. Но кто уйдёт от резвых коней ордынских? Вслед за рыцарями полегли три московских полка: тыл их оголился. Сперва-то теснили они левый край ногайского тумена и потеряли осторожность. Князь Ярополк упал с коня, а вот и князь Владимир, за ними, один за другим, с десятков бояр-воевод.

Пятьдесят князей славянских полегли тут. Ольгердовичи – Дмитрий Брянский и Андрей Полоцкий – пали первыми. За ними рюриковичи: Иван, князь Киевский, Дмитрий Острожский и Глеб Смоленский. Не отступил и Боброк Вольнский, погиб славный герой Куликова поля. А Тохтамыш побежал, спас свою дублённую шкуру. И куда бежал? – в Московскую землю.

Из Сибири шлёт он покаянное письмо Тимуру: *«За всё хорошее, что сделали мне вы, я отплатил дурным поступком и чёрной неблагодарностью. Теперь же аллах наказал меня, и я расплачиваюсь за это. Если бы вы, великий эмир Тимур, простили мне ошибки и оказали царскую свою милость, то до самых последних дней моих не было бы у вас более преданного человека, готового выполнить любой приказ, любое желание...»*. Но дни Железного Хромца были сочтены, умер он в начале похода в Китай.

И вот Кашлык, он же Искер, он же старая Сибирь – городок на Иртыше. Сюда послал Едигей, правивший Золотой Ордой, нового хана, своего ставленника, и тот разгромил остатки тохтамышевой рати. Тумены сошлись у реки Тары близ её впадения в Иртыш. Опять пришлось Тохтамышу спастись бегством. Бесславным был конец хана трёх Орд – зарезали, как всех ханов, проигравших войну. По сказанию, захохотала отрезанная голова, глядячи в небо на звезду обманчивую.

Большая Орда раскололась на шесть Орд, потом стало их восемь. За вероломство Небо взыскивает даже с внуков и с правнуков. И усмехается, наверно, на людские обольщенья: *Там, где Итиль, там, где Яик, тридцать девять было владык, но лишь один Тохтамыш велик.* Удивительно, что его не убили свои, ведь в Орде поражения ханам прощали редко, а этот не выиграл ни одного серьёзного боя. Загадка. Ждали большого хана, упорно видели в нём восстановителя. Не зря же говорят: год на год не приходится. *Вон в год мыши было три кутермыка* – ханские величания, когда нового царя несут на кошме. Пронесут его на дорогой белой кошме, с великой пышностью пронесут – глядь, через три месяца нет уж его, пошёл к предкам. А русские взяли тут усмешливое словцо: *кутерьма*. Разбери-пойми: шайтан шутит или воля Неба?

Так вот что звезда сулила: в родной Сибири отрубили голову прегордому хану. Шестнадцать раз вступал Тохтамыш в сраженья с Едигеем и все их проиграл. А безродный эмир посадил на ордынский престол Жанибека, и *«тое же зимы царь Женибек уби Тактамыша в Сибирской земли близ Тюмени»*. Порой утверждают: первое-де русское упоминание о Сибири – конец 15-го века. Так вот же: Тохтамыш убит в ней в 1406 году, в самом начале 15-го века, через год после смерти Тимура. Едигей опасался, что в новой смуте, когда сыновья Железного Хромца сцепятся, как пауки в банке (что и произошло, отчего на престоле в Бухаре снова чингизиды), Тохтамыш сплотит вокруг себя силы. Едигей тоже не был другом Москвы, через два года после смерти бывшего друга он пошёл на Москву, не покорил её, но взял большой выкуп. Едигей создал свою Орду – Ногайскую. Забежим вперёд на столетие: Кучум враждовал с ногайцами, потом бежал к ним, а они его убили.

После смерти Тохтамыша сыновья его Джалаледдин и Керимберди попросили покровительства у московского князя Василия Дмитриевича. Устроили засаду на Едигея и убили его – последнюю надежду Большой Орды.

В книге «Древняя Русь и Великая Степь» Лев Гумилёв нарисовал идеализированный портрет: «Тохтамыш был простодушный и доверчивый сибиряк», и ему «крайне навредил его воинствующий провинциализм, вследствие которого он, выйдя за пределы Западной Сибири, наделал столько глупостей, что в конце концов потерял и власть, и жизнь». Но так ли уж прост и наивен был злосчастный хан трёх Орд? В тюркском эпосе портрет другой: вероломный и жестокий правитель. Зачем спорить с народной памятью? Тохтамыш казнил отца Едигея и дочь его, свою жену. Мог ли не стать вчерашний друг кровным врагом? Об Едигее пела степь героическое сказание, о Тохтамыше, последнем хане Золотой Орды, хранила поучительное предание, о хромце Темире молчала.

Тохтамыш принял чужую звезду за свою и сильно в неё поверил. А она обманула многих ханов в годы «великой замятни»: они занимали трон на год или полтора года... И только одному дала она власть неслыханную и страшную память на века – Тимуру-Хромцу. Железной метлой прошёлся он по Орде, обезлюдил её, выпотрошил. Время Тохтамыша – роковое для Орды и спасительное для Руси. Он был врагом Москвы – и дал ей укрепиться. Восстановил было величие Орды – и развалил её. Он подставил великого князя литовского под позорный разгром – и развеял мечты о великой литовской державе от Урала до Вислы.

А в Сибири время больших перемен начнётся через полтора века.